

Перспективы развития интеграции ЕАЭС

Артём ШУБТИК

УДК 339.924

Ключевые слова:

интеграция; Евразийский экономический союз; валютный союз; теория оптимальных валютных зон; цифровая валюта; блокчейн; единая расчетная единица; ЭКЮ.

Экономист,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: ashubtik@gmail.com

Истоки интеграции Евразийского экономического союза берут свое начало в 1994 г., когда Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев впервые выступил с идеей формирования Евразийского Союза Государств [1]. В следующие пять лет был подписан ряд соглашений, которые сформировали интеграционный фундамент Евразийского союза. В 1995 г. Беларусь, Казахстан и Россия подписали Соглашение о Таможенном союзе, в 1996 г. Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия заключили Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, а в 1999 г. Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве.

Следующим значимым событием стало учреждение 10 октября 2000 г. Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС), которое на фоне достаточно общего формата сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств задумывалось как проект более тесной и углубленной интеграции постсоветских стран.

Затем ЕврАзЭС прошло такие стадии развития, как Таможенный союз (с 2010 г.) и Единое экономическое пространство (с 2012 г.) в составе Беларуси, Казахстана и России (рисунок 1). В 2012 г. вступил в силу Договор о зоне свободной торговли государств СНГ сначала в отношениях между Беларусью, Россией и Украиной, затем к нему присоединились Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан и Узбекистан.

Юридическое оформление Евразийского союза в том виде, в котором он существует в настоящий момент, произошло 29 мая 2014 г., когда президентами Беларуси, Казахстана и России был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе. В 2015 г. договор вступил в силу, в этом же году к ЕАЭС присоединились Армения и Кыргызстан [1].

Следующим закономерным этапом эволюции ЕАЭС мог бы стать переход к экономическому и валютному союзу. Однако возможность и целесообразность создания евразийского валютного союза в текущих условиях стоит под вопросом. В данном контексте будет полезным проанализировать уникальный опыт европейской ва-

Целью данной работы является оценка текущего состояния интеграционных процессов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и анализ возможных направлений его эволюции. В качестве перспективы дальнейшего развития рассматривается возможность перехода ЕАЭС к валютному союзу как высшей ступени развития региональной интеграции, а также анализируются альтернативные инициативы, обладающие интеграционным потенциалом.

Ключевые этапы интеграции ЕАЭС

Примечание. Разработка автора на основе [1].

Рисунок 1

лютной интеграции. Несмотря на то, что ЕАЭС представляет собой систему асимметричных экономик и европейский интеграционный опыт в общем виде здесь не применим, отдельные его аспекты заслуживают особого внимания.

Европейский опыт валютной интеграции

История становления европейского экономического и валютного союза свидетельствует о целесообразности заблаговременной разработки качественной стратегии перехода от экономического к валютному союзу с единой региональной денежной единицей. Успех реализации данной стратегии зависит от выбора наиболее эффективной системной методологии, определяющей логику поступательного развития интеграции на основе комплексного, многофакторного, многоуровневого подхода, сочетания актуального, ретроспективного и перспективного анализа, систематизации основных направлений программы создания экономического и валютного союза с общей валютой.

В Европейском союзе поиск подходящей стратегии занял более 30 лет. За это время были реализованы три программы. План Вернера (1971–1980) предполагал необратимую взаимную конвертируемость национальных валют, полную либерализацию движения капитала, установление неизменных валютных курсов и замену национальных валют единой европейской валютой к 1980 г. План не достиг конечной цели, поскольку был основан на идее параллельного (а не поэтапного) формирования экономического и валютного союза. Тем не менее он заложил прочный фундамент для успешной реализации последующих стратегий. Программа Дженкинса (1977) предусматривала создание эмиссионного центра для выпуска коллективной валюты и введение частичного наднационального регионального контроля над экономикой стран ЕС. Итогом ее реализации стало создание европейской валютной единицы – ЭКЮ (ECU – European currency unit) и основанной на ней Европейской валютной системы (далее – ЕВС).

С точки зрения перехода ЕАЭС к валютному союзу представляет

ся полезным рассмотрение опыта и принципов использования европейской валютной единицы. ЭКЮ представляла собой составную счетную денежную единицу, в основе которой находилась корзина валют государств – участников Европейского экономического сообщества (далее – ЕЭС). У каждой валюты в корзине был свой вес, зависящий от следующих показателей: участия денежной единицы в международных платежах, удельного веса государства в торгово-обменных операциях на мировом рынке, доли страны в мировом валовом продукте.

ЭКЮ обладала следующими характеристиками:

- являлась полноценным эталоном меры;
- служила счетной единицей экономической и финансовой деятельности ЕВС и единицей учета в ЕЭС;
- являлась резервным активом;
- выпускалась под обеспечение золотовалютных резервов;
- использовалась в качестве средства расчетов в операциях между центральными банками стран – членов ЕВС.

Специфика курсовой политики в рамках Европейской валютной системы проявилась во введении в 1972 г. режима совместно регулируемого плавающего в узких пределах курса валют стран, подписавших в 1957 г. Римский договор об общем рынке, а с 1979 г. – двенадцати стран. Этот режим назывался «европейской валютной змеей», в графическом изображении представляя собой установленные узкие пределы взаимных колебаний курсов валют этих стран ($\pm 1,125\%$ от центрального курса, с 1973 г. – $\pm 4,5\%$, с августа 1993 г. – $\pm 15\%$ в связи с валютным кризисом). В периоды стабильности страны пользовались преимуществами фиксированных курсов, а пересмотры и корректировки курсов в корзине позволяли нивелировать проблемы поддержания конкурентоспособности.

Однако у данной системы были и свои недостатки. Лидерство Германии в экономике ЕЭС и немецкой марки в «европейской валютной змее» определило зависимое положение других валют, курс которых был вынужден следовать за ведущей валютой, а страны-эмитенты должны были тратить

валютные резервы на проведение валютных интервенций для поддержания курсов своих валют в необходимых пределах.

В апреле 1989 г. начала реализовываться программа создания политического, экономического и валютного союза с единой европейской валютой под руководством Ж. Делора, которая, наконец, привела к достижению поставленной цели. Юридически евро был введен в 1993 г. после создания полноценного общего рынка спустя 36 лет после подписания Римского договора об общем рынке (1957). Фактическое введение единой европейской валюты заняло дополнительные шесть лет: выпуск евро в безналичной форме был осуществлен в январе 1999 г., а через два года появились наличные банкноты и монеты. Такой продолжительный временной лаг между подписанием договора и его реализацией был сопряжен с непростым выбором стратегии введения единой валюты, долгим согласованием и урегулированием спорных моментов, а также сближением показателей экономического развития стран – членов ЕЭС на основе долгосрочных национальных программ снижения инфляции, оздоровления государственных финансов [2].

Опыт зоны евро показывает, что формирование валютного союза возможно лишь на высшей ступени развития региональной интеграции в качестве составной части экономического союза. Это предопределяет важность последовательности развития региональной интеграции, что означает рискованность преждевременных шагов, например переход к валютному союзу в рамках Евразийского экономического союза без свободно функционирующего общего рынка и углубления связей производственного и финансового секторов экономики государств – участников регионального союза.

Таким образом, исходя из европейской интеграционной практики одними из ключевых индикаторов готовности ЕАЭС к созданию валютного союза являются степень завершенности текущего этапа интеграции – экономического союза, а также уровень взаимосвязанности экономик участников евразийского интеграционного объединения.

Движение к общему рынку ЕАЭС

Процесс создания общего рынка еще не завершен. Существует ряд внутренних препятствий в области технического, таможенного регулирования, трудовой миграции и транспортной политики. Решением Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) № 152 от 14 ноября 2017 г. все препятствия на внутреннем рынке Союза делятся на три группы: барьеры, изъятия и ограничения. Барьеры – это препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, которые не соответствуют праву Союза. Изъятия – это предусмотренные правом ЕАЭС отступления от общих норм, которые союзные государства применяют на законных основаниях. Ограничения – это препятствия, которые возникли из-за того, что данный вопрос правом Союза в данный момент не урегулирован [3].

По оценке ЕЭК, в настоящий момент зафиксировано 69 позиций, относимых к барьерам, изъятиям и ограничениям [4]. Процесс их устранения занимает много времени, учитывая необходимость получения согласия всеми странами – участниками союза.

В согласованном всеми участниками ЕАЭС перечне препятствий на общем рынке можно выделить следующие [5].

Барьеры: невыполнение государствами-членами мероприятий по приведению национальных нормативных правовых актов в соответствие с техническими регламентами Союза; ограничение беспрепятственного доступа потенциальных поставщиков к участию в закупках на территории Союза, проводимых в электронном формате, в связи с отсутствием взаимного признания электронной цифровой подписи (ЭЦП); препятствия для доступа на рынок государственных закупок Российской Федерации поставщиков программного обеспечения других государств-членов, возникшие в результате принятия соответствующего постановления Правительства Российской Федерации и др.

Ограничения: неурегулированность вопроса взимания вы-

возных таможенных пошлин при вывозе товаров, происходящих из государства-члена и облагаемых в этом государстве-члене вывозными таможенными пошлинами, с территории другого государства-члена; отсутствие гармонизации ставок акцизов по наиболее чувствительным подакцизным товарам; отсутствие равных условий предоставления пенсионных гарантий для граждан государств-членов на территории государств-членов; отсутствие принципов и подходов к гармонизации законодательства государств-членов в части установления ответственности за нарушение обязательных требований к продукции, правил и процедур проведения обязательной оценки соответствия и др.

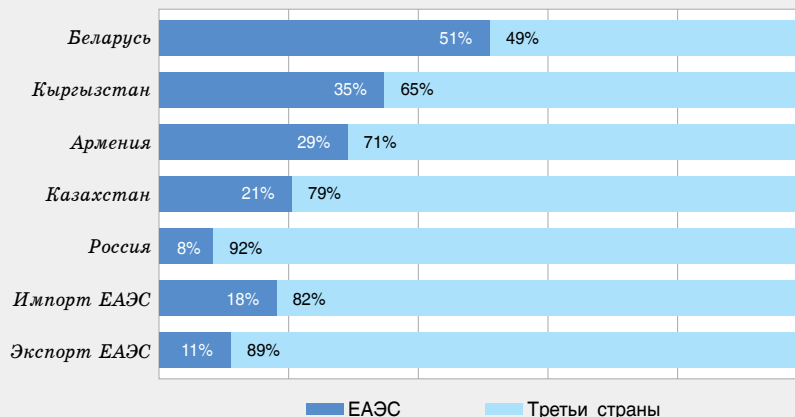
Изъятия: противоречия в положениях транспортного и таможенного законодательства Союза в части запрета на использование временно ввезенных транспортных средств международной перевозки для перевозки грузов, пассажиров и (или) багажа при выполнении внутренней перевозки по таможенной территории Союза; наличие в Российской Федерации исключительного права на экспорт газа в государства – члены Союза; неприменение правил единого рынка услуг в сфере строительства Республикой Казахстан до 2025 г.; отсутствие равных тарифных условий государств-членов при обеспечении доступа к аэронавигационным услугам и аэропортовым услугам и др.

Уровень экономических связей между партнерами Евразийского союза можно проследить по доле взаимной торговли и взаимных прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ).

Так, доля взаимной торговли стран ЕАЭС в сравнении с объемами внешней торговли с третьими странами по-прежнему остается на достаточно низком уровне (рисунк 2). Исключением является Республика Беларусь, доля торговли которой со странами – членами ЕАЭС (преимущественно Россией) превышает 50%, что наряду с сильным интеграционным потенциалом также является слабым местом Беларуси с точки зрения подверженности внешним шокам. Для остальных участников Союза уровень взаимной торговли составляет ниже 35%. В целом по ЕАЭС этот показатель еще ниже (по итогам 9 месяцев 2018 г. взаимный импорт участников ЕАЭС составил 18% от всего импорта, взаимный экспорт – 11%), что можно объяснить большой емкостью российского рынка и, учитывая доминирование сырьевой составляющей в товарообороте России, его ориентацией на торговлю с третьими странами (около 92%). Для сравнения – доля взаимной торговли стран еврозоны в 2017 г. составила 64% в обороте всей внешней торговли [6].

Объем взаимных ПИИ в рамках Евразийского союза также незначителен. Так, в 2017 г. объем прямых трансграничных инвестиций между странами ЕАЭС составил порядка 1,1 млрд. долл.

Доля взаимной торговли в общем обороте внешней торговли стран ЕАЭС (за 9 месяцев 2018 г.)

Примечание. Разработка автора на основе [7].

Рисунок 2

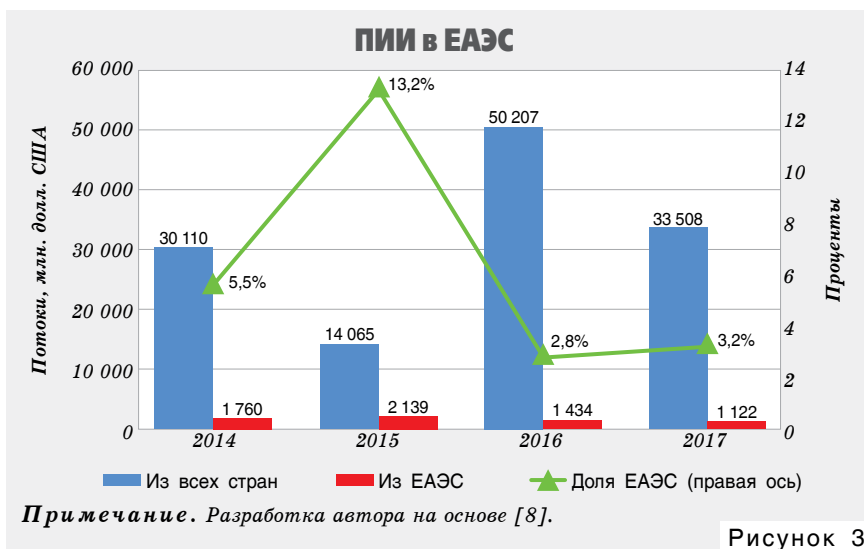

Рисунок 3

США, что в общей структуре ПИИ достигло 3,2%. Пик объемов взаимных ПИИ ЕАЭС пришелся на 2015 г., когда уровень взаимных инвестиций достиг 2,1 млрд., а доля в общем объеме ПИИ – 13,2%. Это можно объяснить низким притоком иностранных инвестиций из третьих стран, что связано с последствиями кризиса 2014–2015 гг. в Российской Федерации (рисунок 3).

Кроме того, согласно положениям теории оптимальных валютных зон, члены валютного союза должны иметь схожую

структуру экономик, так как на них будут симметрично воздействовать экономические шоки [9]. Однако экономики участников ЕАЭС сильно различаются как по размерам, структуре, так и по уровню развития локальных финансовых рынков. Большинство национальных финансовых рынков отличаются низкой емкостью и ликвидностью, а также в ряде случаев отсутствием важных сегментов [10].

Так, из всех стран ЕАЭС биржевой срочный рынок фактически функционирует лишь в

России (10% биржевого оборота в 2017 г., в то время как у соседей по ЕАЭС сделки на срочном рынке единичны или их нет вовсе), обороты рынка акций в Беларуси и Казахстане ничтожно малы, а валютный рынок в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане занимает доминирующую долю в структуре финансового рынка (рисунок 4).

Перспективы валютной интеграции ЕАЭС

Учитывая отсутствие безбарьерного общего рынка, что свидетельствует о незавершенности текущего этапа интеграции – экономического союза, а также о недостаточной степени гармонизации экономической политики партнеров, недостаточную интенсивность интеграции экономик ЕАЭС, что прослеживается по доле взаимной торговли и трансграничных взаимных инвестиций между участниками Евразийского союза, а также относительную разнородность структуры экономик и уровня развития финансовых рынков, в текущих условиях переход к валютному союзу видится преждевременным.

Кроме того, учитывая специфику реализации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, которую можно охарактеризовать как

Рисунок 4

интеграция «сверху вниз», что подразумевает сильную политизацию евразийской интеграции, по поводу ее валютной составляющей остается ряд важных процедурных и институциональных вопросов, требующих обсуждения. В первую очередь, это касается определения единого эмиссионного центра, ответственного за проведение единой монетарной политики.

Данный вопрос активно обсуждался во время переговоров между Беларусью и Россией при попытке создания валютного союза в рамках Союзного государства в начале 2000-х гг. Россия придерживалась централизованного подхода, согласно которому функции единого эмиссионного центра будут осуществляться исключительно Центральным банком Российской Федерации. В соответствии с данным подходом Национальный банк Республики Беларусь мог бы проводить операции с валютой и ценными бумагами только с согласия Центрального банка России, при этом один или два представителя Национального банка Республики Беларусь смогли бы войти в состав Правления Центрального банка России.

Беларусь выступала за создание единого эмиссионного центра на базе двух центральных банков, монетарная политика которых будет координироваться Межбанковским валютным советом. Предполагалось, что Межбанковский валютный совет будет устанавливать ориентиры монетарной политики и лимиты денежной эмиссии (пропорциональные удельному весу стран в совокупном ВВП) и что в него войдут по шесть членов Правления от каждого центрального банка, а в случае равенства голосов председатель, являющийся представителем Центрального банка России, будет иметь решающий голос [12].

Реализация сценария, предлагаемого Россией, означала бы лишение Национального банка Республики Беларусь контроля за предложением денег, что с политической точки зрения может рассматриваться как потеря важного суверенного права государства.

Отсутствие консенсуса между участниками ЕАЭС по параметрам валютной интеграции заставляет их откладывать принятие решений

в этой области, а политические риски, связанные с потенциальной потерей контроля над денежно-кредитной политикой, делают преимущества валютного союза не столь очевидными для менее крупных партнеров по ЕАЭС. Этим отчасти можно объяснить постепенное снижение интеграционной активности стран Евразийского объединения в последние годы.

В контексте относительного замедления темпов интеграции ЕАЭС встает актуальный вопрос о дальнейших шагах евразийской интеграции. Основным преимуществом валютного союза является снижение транзакционных издержек его участников, однако переход к валютному союзу – не единственный возможный вектор эволюции ЕАЭС, позволяющий достичь этой цели.

Одним из инструментов углубления евразийской интеграции может стать повышение роли национальных валют ЕАЭС во взаимных расчетах. Действительно, теоретически в увеличении доли национальных валют в расчетах между странами Союза видится несколько положительных эффектов. Например, для экспортеров и импортеров могут быть уменьшены транзакционные издержки, связанные с необходимостью проведения двусторонних сделок купли-продажи доллара США/евро, в которых номинированы многие торговые и инвестиционные сделки во взаимном обороте. Также появится возможность определения курсовых соотношений национальных валют напрямую, а не в пересчете через кросс-курсы к доллару США. Наличие дополнительного внешнего спроса на национальные валюты участников ЕАЭС будет способствовать стабилизации их курсов и повышению финансовой стабильности [10].

Вместе с тем существует ряд негативных факторов использования национальных валют во взаимных расчетах. Основным фактором является повышенная волатильность их курсов. Транзакционные преимущества национальных валют неоспоримы в момент стабильной и предсказуемой макроэкономической ситуации до тех пор, пока использование национальных денежных единиц в расчетах не несет рисков потерь на курсовой разнице. В условиях

высоких девальвационных ожиданий выбор расчетов в твердой валюте для бизнеса очевиден.

Также есть риск снижения эффективности денежно-кредитной политики внутри страны при повышении интернационализации денежной единицы, что может выразиться в дестабилизации внутреннего финансового рынка в результате резких изменений капиталных потоков нерезидентов.

В последнее время наметился тренд на увеличение доли национальных валют, преимущественно российского рубля, в обороте между участниками ЕАЭС, что объясняется не столько укреплением интеграционного потенциала ЕАЭС, сколько геополитической ситуацией в мире и санкционным режимом в отношении России. При этом на резервные валюты (доллар и евро) по-прежнему приходится около четверти внешнеторгового оборота (таблица).

Однако если исключить расчеты России в рамках ЕАЭС, доллар США остается доминирующей валютой при оплате товаров и услуг между государствами ЕАЭС. В расчетах Республики Беларусь со странами ЕАЭС, кроме России, на него приходится порядка 50%, в расчетах между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой – около 80%. В этом и есть потенциал для повышения значимости национальных валют во взаимных расчетах [10].

При этом важно отметить, что целесообразно рассматривать данный инструмент с позиции увеличения роли всех национальных валют ЕАЭС, а не одной конкретной, например российского рубля, поскольку такой рост может происходить за счет снижения доли других национальных валют.

На рисунке 5 представлена валютная структура поступлений за экспорт и платежей за импорт товаров и услуг стран ЕАЭС со всеми странами мира в 2017 г.

Наряду с движением к общему рынку и устранению внутренних барьеров усиление роли национальных валют ЕАЭС во взаимных расчетах могло бы стать промежуточным этапом между экономическим и валютным союзом. Однако очевидно, что данный процесс следует не навязывать прямыми административ-

Таблица

Валютная структура взаимной торговли стран ЕАЭС в 2017 г., %

Валюта платежей	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
В армянских драмах	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
В белорусских рублях	0,4	0,3	0,5	0,4	0,4
В тенге	0,4	0,5	1,1	0,7	0,9
В сомах	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
В российских рублях	61,8	67,4	68,0	74,1	74,9
В долларах США	30,3	26,3	25,0	19,3	18,3
В евро	6,8	5,2	5,1	5,2	5,2
В других валютах	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2

Источник: [13].

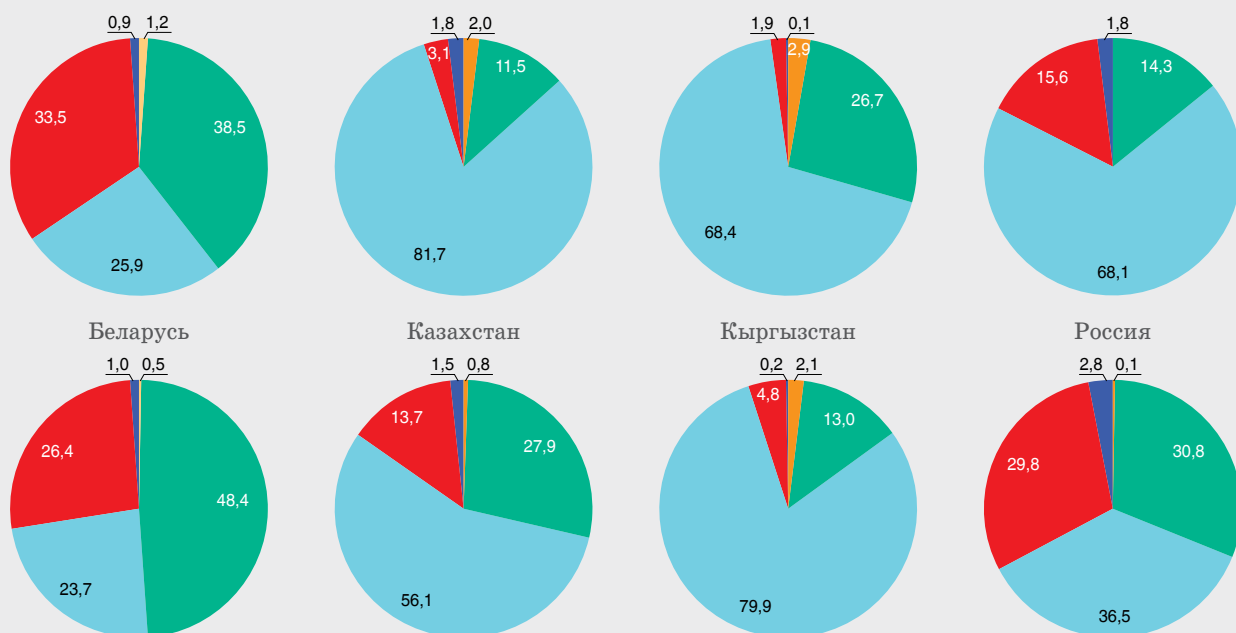
ными методами, а реализовывать опосредованно, путем создания стимулов. Таким стимулом может стать создание условий для повышения доверия к национальным валютам, что должно выразиться в снижении их повышенной курсовой волатильности. Этому будет способствовать развитие локаль-

ных финансовых рынков, создание инструментов хеджирования валютных рисков с участием национальных валют, проведение жесткой денежно-кредитной политики, направленной на снижение инфляционных ожиданий, и дальнейшие меры по дедолларизации экономик стран ЕАЭС.

Иными словами, усиление роли национальных валют должно быть, скорее, не инструментом, а следствием успешной интеграции стран ЕАЭС, правильно проводимой экономической политики и реформ по развитию локальных финансовых рынков, достижения участниками союза макроэкономи-

Валютная структура поступлений за экспорт и платежей за импорт товаров и услуг стран ЕАЭС со всеми странами мира, 2017 г., %

Поступления за экспорт товаров и услуг во все страны мира

Платежи за импорт товаров и услуг из всех стран мира

- В белорусских рублях
- В тенге
- В российских рублях
- В долларах США
- В евро
- В других валютах

Примечания. 1. Разработка автора на основе [13].

2. Республика Армения не формирует данные о платежах за экспорт и импорт товаров и услуг в разрезе валют и стран ЕАЭС.

Рисунок 5

ческой сбалансированности, что в конечном итоге, при условии нахождения всеми партнерами ЕАЭС консенсуса по формированию общего рынка без барьеров, может создать предпосылки для перехода к валютному союзу.

В условиях несовершенства текущей финансовой системы и динамично развивающихся цифровых технологий, в частности технологии блокчейн, использование цифровых валют все больше обращает на себя внимание экономического сообщества. При достижении странами ЕАЭС достаточного уровня конвергенции, а также консенсуса по параметрам и срокам валютной интеграции в перспективе целесообразно рассмотреть возможность создания евразийской наднациональной цифровой валюты в качестве единой расчетной единицы стран ЕАЭС.

Объединив опыт создания европейской расчетной единицы с потенциалом технологии блокчейн, предлагается разработать интегрированную модель евразийской валютной системы, которая сможет вобрать в себя преимущества Европейской валютной системы и современных цифровых технологий (рисунки 6).

Предлагаемая модель предполагает эмиссию централизованной (в отличие от существующих децентрализованных нерегулируемых криптовалют, таких как Bitcoin, Ethereum и др.) цифровой валюты, основанной на технологии блокчейн, на общей созданной в рамках ЕАЭС криптобирже при параллельном обращении собственных валют. По аналогии с ЭКЮ стоимость условной цифровой валюты ЕАЭС будет определяться соотношением курсов в корзине валют участниц ЕАЭС, обеспечением могут выступить резервные активы стран Евразийского объединения.

Так, эмиссия ЭКЮ была частично обеспечена золотовалютными резервами участников Европейской валютной системы. С этой целью создан Европейский фонд валютного сотрудничества, где были аккумулированы 20% официальных золотых и долларовых резервов стран ЕВС. Центральные банки внесли в фонд 2,66 тыс.

тонн золота. Взносы осуществлялись в форме возобновляемых трехмесячных сделок СВОП, чтобы сохранить право собственности стран на золото. ЭКЮ, полученные в обмен на золото и резервную валюту, зачислялись в официальные резервы [14].

Функции, которые будет выполнять предлагаемая цифровая валюта, будут аналогичны выполняемым ранее функциям ЭКЮ: привязка национальных валют к корзине и ограничение колебаний своих валют в оговоренных пределах позволят снизить валютные риски во взаимной торговле, что даст определенные преимущества в конкурентной борьбе, а также будет стимулировать расчеты в национальных валютах; данная цифровая валюта будет расчетной единицей и средством расчетов в операциях между центральными банками стран – членов ЕАЭС.

При этом потенциальными преимуществами использования технологии блокчейн при создании цифровой валюты ЕАЭС могут стать защищенность (шифрование для подтверждения транзакций), неизменность (результаты совершенной транзакции открыты для всех и не могут быть изменены, удалены) и прозрачность (за счет распределенного хранения информации) [15].

Реализация данного процесса потребует не только значительных финансовых и технических ресурсов, но и согласованности действий каждого государства ЕАЭС, координации их денежно-кредитных политик и сближения платежных систем. Кроме того, в правовом поле также остается нерешенным вопрос в отношении статуса цифровых валют в странах ЕАЭС. Законодательное регулирование данной области

закреплено пока только в Республике Беларусь*.

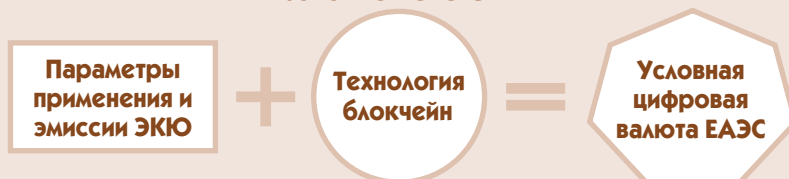
Таким образом, в настоящий момент процесс формирования безбарьерного рынка в ЕАЭС не завершен, что наряду с другими факторами (низкая доля взаимной торговли, взаимных инвестиций, относительная разнородность структуры экономик стран ЕАЭС, различный уровень развития финансовых рынков) делает невозможным переход Евразийского союза в текущих условиях к следующему этапу развития интеграции – валютному союзу.

Вектор эволюции ЕАЭС, направленный на увеличение доли национальных валют в расчетах между участниками Евразийского союза, является основной альтернативой полноценному валютному союзу. Это должно быть достигнуто путем реализации мер, направленных на повышение доверия к национальным валютам, таких как развитие локальных финансовых рынков, создание инструментов хеджирования валютных рисков с участием национальных валют, проведение жесткой денежно-кредитной политики, дедолларизация экономик стран ЕАЭС. Важным стимулом повышения роли национальных валют станет снятие всех препятствий на общем рынке, что создаст условия для роста взаимной торговли и свободного движения капитала между странами ЕАЭС и позволит повысить выгоды использования национальных валют во взаимных расчетах.

Развитие евразийской интеграции по предложенному пути позволит реализовать интеграционный потенциал без утраты автономии, характерной для полноценного валютного союза.

Кроме того, при условии достижения странами ЕАЭС достаточно

Компоненты интегрированной модели евразийской валютной системы

Примечание. Разработка автора.

* Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики».

го уровня конвергенции, а также консенсуса по параметрам и срокам валютной интеграции в будущем целесообразно рассмотреть возможность создания интегрированной модели евразийской валютной системы, основанной на европейском опыте создания единой расчетной

единицы и технологии блокчейн. Предлагаемая модель предполагает эмиссию централизованной цифровой валюты, основанной на технологии блокчейн, на общей созданной в рамках ЕАЭС криптобирже при параллельном обращении собственных валют. При этом

аспекты использования и эмиссии (функции, обеспечение, стоимость и др.) условной цифровой валюты ЕАЭС будут аналогичны параметрам ЭКЮ.

* * *

Материал поступил 11.01.2019.

Библиографический список:

1. Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/#about>. – Дата доступа: 01.12.2018.
2. Красавина, Л.Н. Контуры стратегии развития интеграции от Евразийского экономического союза к экономическому и валютному союзу с единой валютой в аспекте опыта зоны евро / Л.Н. Красавина // Экономические стратегии. – 2015. – № 7. – С. 9–11.
3. Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения [Электронный ресурс]: решение Евразийской экономической комиссии, 14 нояб. 2017 г., № 152 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91700328>. – Дата доступа: 08.12.2018.
4. Портал общих информационных ресурсов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/home.aspx>. – Дата доступа: 08.12.2018.
5. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%91%D0%90%D0%A0%D0%AC%D0%95%D0%A0%D0%AB,%20%D0%98%D0%97%D0%AA%D0%AF%D0%A2%D0%98%D0%AF%20%D0%98%20%D0%9E%D0%93%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF%20%D0%95%D0%92%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%98%D0%99%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%93%D0%9E%20%D0%AD%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%9E%D0%9C%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%93%D0%9E%20%D0%A1%D0%9E%D0%AE%D0%97%D0%90%20-%20%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94%202017.pdf>. – Дата доступа: 06.01.2018.
6. Eurostat [Electronic resource]: Intra-EU28 trade, by Member State. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/download.do?tab=table&plugin=1&language=en&code=tet00047>. – Date of access: 07.12.2018.
7. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/September2018.pdf. – Дата доступа: 12.12.2018.
8. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_5/finstat_5_2017f.pdf. – Дата доступа: 12.12.2018.
9. Mundell, R.A. A Theory of Optimum Currency Areas / R.A. Mundell // American Economic Review, 1961. – № 51. – 665 p.
10. Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы / Ю.А. Данилов [и др.]. – № 48. – СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2018. – С. 7, 17, 19.
11. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/stocks.aspx. – Дата доступа: 14.12.2018.
12. Gulde, A. A Common Currency for Belarus and Russia? / A. Gulde, E. Jafarov, V. Prokopenko // IMF Working Paper. – 2004. – WP/04/228. – 7 p.
13. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/ei_payments/express_payments_2017.pdf. – Дата доступа: 14.12.2018.
14. Международные валютно-кредитные отношения / И. Ярыгина [и др.]; под ред. Л.Н. Красавиной. – 4-е изд., испр. – М.: Юрайт, 2015. – С. 101–102.
15. Клечиков, А.В. Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере / А.В. Клечиков, М.М. Пряников, А.В. Чузунов // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – № 12. – С. 124.

The Eurasian Economic Union Integration Development Outlook

Artyom SHUBTIK, economist, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: ashubtik@gmail.com

Abstract. The article analyzes the state of integration processes in the countries of the Eurasian Economic Union and the prospect of creating an economic and monetary union on its basis. On the basis of the experience of forming the European monetary system and an empirical analysis of the processes taking place in the Eurasian region, the author highlights the main challenges and obstacles for deepening Eurasian integration and the possibilities for their smoothing. Special attention is paid to the role of national currencies in mutual settlements within the EAEU and the possibility of using digital currency as a common supranational unit of account as factors for strengthening the Eurasian integration potential.

Keywords: integration; Eurasian Economic Union; monetary union; optimal currency areas theory; digital currency; common unit of account; ECU.